

— Доложите Алексѣю Борисовичу, что мнѣ нужно говорить съ нимъ,—приказалъ онъ своему лакею, элегантному парню съ лицомъ изъ папье-маше, и съ prince-peze на борту фрака.

Волхонскій съ интересомъ ожидалъ графа въ своемъ кабинетѣ. Онъ никакъ не могъ придумать, на что тому потребовалось это рандеву.—«Ужъ не денегъ ли нужно,—преполагалъ онъ,—дѣла ихъ кажется, весьма не важны, а сегодня сестра ему писала»,—и рѣшилъ дать, но не болѣе тысячи рублей. Но когда Мишель вошелъ, и въ короткихъ словахъ сообщилъ ему «мечтанія тамап, о которыхъ она просила передъ», Алексѣй Борисовичъ пріятно изумился. Онъ, правда, не показалъ своей радости и даже промолвилъ съ небреженіемъ: «Но, мой милый, вѣдь они же костромскіе мужики!»—Но когда Мишель сталъ доказывать ему, что во-первыхъ—они не мужики, а Лукьянъ Трифонъ такое же «его превосходительство», какъ и воронежскій губернаторъ, и что вообще при Лукавинскомъ многомилліонномъ состояніи эти устарѣлые толки о породѣ по меньшей мѣрѣ не тактичны,—Волхонскій внималъ этимъ доказательствамъ съ любовной готовностью.

— Но какъ Петръ Лукьянычъ?—спросилъ онъ.

— О, Ріегге, не смотря на эту свою положительность, спитъ и видитъ себя въ родствѣ съ нами,—сказалъ графъ.

— Да...—въ задумчивости произнесъ Алексѣй Борисовичъ,—и, кажется, это дѣло съ заводомъ ему по душѣ...—Но, ты поговори съ нимъ, мой милый!—добавилъ онъ и, когда графъ вышелъ, такъ и расплылся въ плѣнительныхъ мечтахъ. Въ его воображеніи вставала галерея картинъ на манеръ Боткинской въ Москвѣ, о которой онъ вздыхалъ какъ еврей о землѣ обѣтованной (Третьяковская не удовлетворяла его европейскимъ вкусомъ). Онъ представлялъ себѣ обширную залу въ два свѣта, всю сплошь увѣшанную произведеніями Мейссонье, Белькура, Коллера, Макарта, Виллемса, Корб, Фортуні... Затѣмъ мысли его уносились дальше. Въ Волхонку собирались туристы, художники, музыканты, литераторы. Всѣ они находили пріютъ въ отелѣ, изящно и характерно отдѣланномъ въ особомъ, «волхонскомъ» стилѣ. Всѣ они собирались вокругъ Алексѣя Борисовича и устраивали пикники, бесѣды, parties de plaisir,—литераторы читали свои произведенія, музыканты играли, художники рисовали въ альбомахъ; скульпторы и тѣ лѣпили маленькія статуэтки и оставляли ихъ на память хозяину... И всѣ, съ внимательнѣйшей